

КОНРАД ГЕЙДЕН

ФЮРЕР

ПУТЬ
ГИТЛЕРА
К ВЛАСТИ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

КОНРАД ГЕЙДЕН

ФЮРЕР

ПУТЬ
ГИТЛЕРА
К ВЛАСТИ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2026

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)6-8
Г29

Гейден, Конрад.

Г29 Фюрер. Путь Гитлера к власти : [перевод с немецкого
Ф. Капелюша и А. Риша] / Конрад Гейден. — Москва :
Яуза-пресс, 2026. — 464 с.

ISBN 978-5-9955-1160-1

Конрад Гейден — известный немецкий журналист-антифашист, социал-демократ. Он был современником Гитлера и очевидцем становления национал-социализма. Будучи непримиримым врагом нацистов, Гейден фиксировал все обстоятельства прихода Гитлера к власти. В 1932 г. в Берлине вышла его критическая «История национал-социализма». В 1935 г. он был вынужден оставить Германию и бежать во Францию. Спустя несколько лет Гейден опубликовал первую серьезную биографию Гитлера в двух томах, за что был лишен немецкого гражданства и собственности в Германии.

Предлагаемое издание Гейден опубликовал в 1944 г. в США. В книге автор показывает, как из маленького мюнхенского кружка националистов-единомышленников выросла агрессивная национал-социалистическая партия, захватившая власть в Германии. Путь нацистов в большую политику сопровождался погромами, убийствами и провокациями, и Гейден фиксировал их с максимальной точностью.

Как за считанные годы Веймарская республика превратилась в Третий рейх? Как нация Гете и Шиллера оказалась повинна в терроре и Холокосте? Был ли шанс у Германии сохранить свободы и демократию? Читайте об этом в захватывающем и до сих пор актуальном исследовании Конрада Гейдена.

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)6-8

ISBN 978-5-9955-1160-1

© ООО «Яуза-пресс», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Глава 1. Три корня национал-социализма	6
Глава 2. Съезд в Зальцбурге	33
Глава 3. Вождь поневоле	59
Глава 4. Основание штурмовых отрядов	79
Глава 5. Путч П.П. (т.е. путч Питтингера и Пенера)	103
Глава 6. Имел ли Гитлер право бежать?	165
Глава 7. Новая национал-социалистическая партия	186
Глава 8. Преторианцы Гитлера	206
Глава 9. Д-р Пауль-Йозеф Геббельс	224
Глава 10. Берлинский национал-марксизм	245
Глава 11. Развал республики	263

Часть вторая

От редакции	279
Глава 1. Исход из рейхстага	279
Глава 2. Боксгеймские документы	291
Глава 3. Папен выступает из мрака неизвестности	300
Глава 4. НСБО	320
Глава 5. Интермедия	343
Глава 6. Последнее сопротивление Баварии	358
Глава 7. Крупная промышленность обороняется	389
Глава 8. Крест против свастики	418
Послесловие. Германия и остальной мир	430
Примечания	435

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. Три корня национал-социализма

Начало национал-социализму как идейному направлению положили несколько интеллигентов, преимущественно из северной Германии, в период 1926–1928 гг.

Как живая политическая клетка национал-социализм возник из развалин громадной «Патриотической партии» и «Пан-германского союза», другими словами — из воинствующего аннексионизма времен 1917 г. Самостоятельная жизнь его началась в 1919 г.

Как политическое орудие национал-социализм является детищем мюнхенского рейхсвера. С помощью последнего его оформили Адольф Гитлер, обладающий подвижным умом и непостоянным характером, и капитан Эрнст Рем¹. Это было в 1921 г.

Название движения заимствовано в Австрии; оно было принято против воли нынешнего вождя и не отвечает характеру этой партии. Крещение последовало в 1920 г., когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила. Члены партии, которые впоследствии всерьез отнеслись к ее «социализму», вынуждены были уйти из партии.

При бурном развитии движения нормальное соответствие между формой и содержанием невозможно. Законченность, неизменность формы противоречили бы характеру парфтии, которая сознательно шла на то, чтобы приспособиться к обстановке и в случае нужды сгибаться перед сильным.

Вызвавшие столько толков «двадцать пять пунктов» (Речь идет о первоначальной программе национал-социалистов, сформулированной в 25 пунктах. — прим. перев.) не являются программой в серьезном смысле слова. Но отсутствие программы — не просто маневр, рассчитанный на общую беспринципность; оно покоится на сознании, что движения возникают вследствие определенных причин, а не для достижения известных целей, и что для людей важнее вожди, нежели правила поведения. Несомненно, здесь сказалась своего рода вера в силу рока, рождающего могучие идеи и в то же время вызывающего активное противодействие против

себя же самого. Как и во многом другом, национал-социалисты учились у марксизма подходить к вопросам исторического развития с точки зрения диалектики. Однако в то время как марксисты желали претворить стихийный характер политики в «науку», более практичные национал-социалисты принимали политику такой, какая она есть. Этому соответствует следующая концепция: народу принадлежат чисто растительные функции жизни — деторождение и рост, а ниспосланные свыше вожди вносят в нее порядок, оформленность и целеустремленность. Коричневый дом² носит характер масонской ложи, это особенно ясно выявилось в последнее время; за спиной вождя орудуют неизвестные публике заправилы наподобие жрецов, находившихся за идолом Ваала в Вавилоне.

Антон Дрекслер, забытый основатель партии

На облик германской национал-социалистической рабочей партии в значительной мере наложила отпечаток первая группа, из которой она выросла: те два десятка сереньких «людей из народа», которые собирались в мюнхенской пивной и основали там еще до Гитлера кружок для спасения нации. Сказанное остается в силе по настоящее время, хотя только немногие из этих инициаторов участвуют еще в настоящее время в национал-социалистическом движении, не играя в нем никакой роли.

Родоначальником «германской рабочей партии» явился слесарь Антон Дрекслер. Это был скромный ремесленник того типа, которых раабе³ называет «нацией рассуждающих филистеров». Дрекслера никак нельзя считать талантом, оставшимся в тени только из-за недостатка образования. С великим трудом давалась ему какая-либо мысль или ее выражение. Зато идеи, завоеванные столь тяжелым путем, обычно владеют человеком безраздельно. Этот тщедушный, узкогрудый, негодный к военной службе человек в очках свято верил в свою книжную мудрость. На подмогу этой вере приходило счастье: неведение всей трудности взятой на себя задачи. Как эту веру, так и свою наивную самоуверенность Дрекслер передал своему позднему товарищу по партии Гитлеру; последний обязан своему скромному товарищу значительно больше, чем он теперь признает. Правда, и Гитлер сделал из этого багажа больше, чем мог мечтать об этом Дрекслер.

Впоследствии Дрекслер порвал с Гитлером, так как считал его головокружительные успехи несчастьем для дела. По сию пору все еще остается нерешенным вопрос — не был ли он все же прав.

Бросаются в глаза некоторые черты сходства в биографиях Дрекслера и Гитлера; различие же в их биографиях состоит в том, что у члена партии № 1 (Дрекслера) все осталось в индивидуальном, ограниченном масштабе, а у члена партии № 7 (Гитлера) все приняло раздутые до бесконечности размеры. Еще будучи молодым рабочим, Дрекслер, как и Гитлер, вступил в конфликт с социал-демократическими профсоюзами; он жалуется, что вследствие террора со стороны этих последних он лишился места и должен был зарабатывать себе на хлеб игрой на цитре в ночных кофейнях. Так было положено начало его ненависти к марксизму. Впрочем, как и у Гитлера, главный политический интерес Дрекслера сосредоточивался прежде всего на вопросах внешней политики.

«Пробуждающийся рабочий» бьется над вопросом об ответственности Германии в мировой войне. В 1914 г. он разъезжал с гастролирующим певческим кружком и пел в Цюрихе в хоре: «Копье в руках, коня прищипорив, помчимся в бой, помчимся в бой!» У Дрекслера эта песня вызывает угрызения совести. Для него эта песня — выражение подлинных настроений народа в данный момент. Но в то же время он сам считает, что будущее Германии покоится не на остриях копий, а зависит от народного характера: «Социалистическая природа немцев исцелит мир».

В социализме — спасение Германии от крупного интернационального капитала, который ныне, как стервятник, кружится над Германией в надежде поживиться мертвечиной. Быть может, не так уж велика была разница между этой теорией немецкого социализма, который должен был «исцелить мир», и практикой того интернационала, сильнейшим членом которого являлась германская социал-демократия.

Дрекслер с одобрением цитирует слова Шейдемана: война ведется не ради коммерции советников, крупных промышленников и крестьян-кулаков, а ради трудящегося народа, ради тружеников на фабрике, в мастерской, в шахтах и на полях. Германские социал-демократы большинства в годы войны, «социалисты кайзера», как их называли противники из левого крыла, пришлось бы вполне по вкусу иному национал-социалисту.

Но в 1917 г. рейхстаг принимает резолюцию в пользу мира; эта резолюция стоит нашему слесарю-пангерманцу бессонных ночей. Он вступает в мюнхенскую организацию «Патриотической партии», но разочаровывается в ней: душа народа осталась книгой за семью печатями для деятелей этой партии, впрочем, людей честных, большей частью ученых, ху-

дожников и адвокатов. Дрекслер выступает на собраниях за войну до победного конца и против забастовки на патронных заводах; но в то же время он не понимает, почему правительство ничего не предпринимает против растущей дороговизны съестных припасов и обрушивается на обывателя, делающего небольшие запасы. В этой психологии Дрекслера сказывается типичная враждебность городского жителя к сельскому хозяйству; эта враждебность еще в течение многих лет отличала национал-социалистическую партию, которая в настоящее время приобрела столь резко выраженный аграрный характер.

В начале 1918 г. в Бремене организовался «Свободный комитет борьбы за немецкий рабочий мир», в который якобы входило несколько сот тысяч членов. Дрекслер привлек к нему в качестве мюнхенской секции «Свободный рабочий комитет борьбы за достижение доброго мира» с сорока членами. Эта группка, возникшая 7 марта 1918 г., и была началом «национал-социалистической германской рабочей партии».

Таким образом мюнхенский слесарь ошущью набрел на мысль о создании специфической рабочей партии военного времени, партии, начертавшей на своем знамени не только борьбу за победу нации, но также слепое повиновение вождям. «Мы должны, — заявил Дрекслер в 1918 г. в качестве руководителя своего мюнхенского “комитета мира”, — предоставить выработку деталей мирного договора верховному командованию, заслуживающему неограниченного доверия». Что касается самого Дрекслера, то в нем, конечно, говорила умственная робость человека мало начитанного, которому в то время еще приходилось выслушивать на собраниях объяснение того, что, собственно, значит по-немецки слово «анти-семитизм». Однако и эта умственная робость тоже стала одним из элементов строительства будущей партии.

Из стремления приравнять интересы рабочих к интересам нации, народа развилось затем представление о Германии как особой нации. Созидающая (*schaffende*) Германия — жертва хищнических (*raffende*) западных держав. «Граждане-буржуа и граждане-рабочие, объединяйтесь!» — восклицает Дрекслер на собрании, которое ему удалось созвать осенью 1918 г. с помощью «Патриотической партии». Он требует их объединения в «национальный союз граждан». Но собрание отвечает ему руганью, и дело кончается скандалом. Теперь еще не настало время, чтобы люди прислушивались к предостережениям о том, что князья мамона с помощью масонской «ложи» хотят подчинить себе Германию, «продуктивную нацию».

Тем не менее Дрекслер не уходит от своих товарищей по классу. В 1918 г. он даже снова вступает в «свободный» социал-демократический профсоюз железнодорожников. Правда, он — странная фигура в этом профсоюзе. Выступая публично против «систематической деградации ремесла на железных дорогах», он борется против сознательных пролетариев и высоко держит знамя ремесленника. В политике профсоюза в области зарплаты этот «пролетарий» усматривает «уничтожение рабочими среднего сословия, национальной интеллигенции и частного предпринимателя». Кто выставляет такой тезис, тот, в сущности, мечтает поднять рабочего до положения мелкого и даже крупного буржуа, тот имеет в виду не солидарность рабочего класса, а лишь успех горсточки счастливицов, вышедших в люди благодаря своему упорству и труду.

Кто же был первым политическим учителем малых сих? Вы не догадаетесь об этом... Не кто иной, как Вальтер Ратенау. Его филигранно-тонкие сентенции становятся в руках нашего железнодорожного слесаря национал-социалиста мощными метательными «снарядами»: «Мировая революция началась уже с первого момента мировой войны; бессознательной, но действительной целью этой революции было вытеснение капиталистической буржуазией феодальной гегемонии путем установления плутократически-конституционного государственного строя». Таковы были взгляды Ратенау⁴, писавшего об этом с оттенком и грусти, и цинизма. Дрекслер просто повторяет эту тираду, но у него она уже дышит непримиримой ненавистью. В одном месте Ратенау говорит, что командные высоты мирового хозяйства находятся в руках каких-нибудь трехсот лиц. Десять лет этот афоризм служит боевым кличем национал-социалистов, украшая их плакаты и столбцы их газет; никакая пропаганда не могла бы выдумать более ходкого лозунга. Такую же роль сыграли слова Дизраэли⁵, что расовый вопрос является ключом к всемирной истории.

Ряд социал-демократов объявляется франкмасонами, сиречь слугами «золотого тельца». Достаточно «Форвертсу» согласиться по какому-нибудь отдельному вопросу с «Франкфуртской газетой», и Дрекслер видит в этом доказательство ложности социализма «Форвертса»; иначе такое согласие было бы, по мнению Дрекслера, невозможным. Вы назовете это ограниченностью? Но не забудьте, что мы приближаемся к тому времени, когда сильно ненавидеть гораздо важнее, чем правильно мыслить.

При всей своей кажущейся ограниченности этот разъяренный мещанин сохраняет за собой свободу мыслить по-

своему. Он обвиняет марксизм в том, что тот превратил революцию в движение за повышение заработной платы и уничтожил способность Германии успешно конкурировать на мировом рынке. Однако вместе с тем Дрекслер позволяет себе также требовать от предпринимателей большего внимания к нуждам рабочих — старая тактика тех профсоюзов, которые стоят на почве классового мира. Тем не менее Дрекслер приемлет боевые профсоюзы, он борется только против политических партий, «злоупотребляющих» этими союзами. Судьба Германии зависит, по мнению Дрекслера, от того, будет ли ее руководящая верхушка обладать социальным чутьем, чтобы суметь вернуть себе доверие масс.

В сущности, в этой аляповатой формулировке уже заключается материал, из которого сделано национал-социалистическое «учение». Более того, сам Дрекслер как человек и товарищ был для Гитлера отчасти тем сырым материалом, из которого он вылепил первоначальный эскиз своей партии. Несомненно, под началом Дрекслера «германская рабочая партия» осталась бы кружком, разглагольствующим за своим постоянным столом в пивной о высоких политических материях, и Гитлеру, обладающему безусловным комбинаторским талантом, пришлось бы искать зацепки для своей созидательной деятельности где-либо в другом месте.

На долю Дрекслера выпал обычный удел изобретателя. В 1921 г. Гитлер, став хозяином фирмы, фактически устранил его от дел. Дрекслер был почетным председателем партии, которая к тому времени выступала уже с известной помпой; однако этот скромный человек продолжал работать в мюнхенских железнодорожных мастерских, пока раздраженные товарищи по работе не напали на «реакционера» с железными ломami и не прогнали его из мастерских. Это было весной 1923 г. Во время ноябрьского путча 1923 г. Гитлер смотрел на Дрекслера уже как на пустое место; в результате этого Дрекслер порвал с Гитлером; до 1928 г. он был депутатом фелькише⁶ (так называемой партии «тевтонцев») в баварском сейме, а затем окончательно сошел с политической сцены.

Кружок пивных политиков и его покровители

После революции существование «свободного рабочего комитета борьбы за достижение доброго мира» утратило свой смысл. 5 января 1919 г. Дрекслер перестроил его и основал «германскую рабочую партию». Ее председателем стал журналист Карл Харрер. «Партия» в составе сорока членов чувствовала себя достаточно многочисленной, чтобы выделить еще

специальный орган — «политический рабочий кружок» из шести членов.

1 мая 1919 г. придало этому обществу некоторое, хотя и крохотное, политическое значение: советская республика в Мюнхене была свергнута, место ее заняло правительство буржуазно-социал-демократической коалиции; фактическим хозяином положения была военщина. В последней еще жило гордое сознание четырехлетних якобы победоносных боев, жило раздражение против рокового исхода войны, жила ненависть к «предателям». Чтобы дать исход таким чувствам, буржуазные партии были слишком вялы и негибки. На этом фоне выделялась только группка Дрекслера, некогда поставившая себе целью «добрый мир». Огромная патриотическая партия покорно приняла к сведению окончание войны и сошла со сцены. Для старых крупных партий война закончилась печально, но все же закончилась; однако для военщины и для «германской рабочей партии» она еще не кончилась. Это сблизило обе эти группы, и из их идейного объединения возникло гитлеровское движение.

Германия представляла собой в то время вооруженный лагерь различных добровольческих формирований: бригада Эрхардта, Балтийская оборона, стрелки фон Хайдебрека, отряды добровольцев Пфеффера, Росбаха, Левенфельда, Лютцова, Лихтшлага, Химгау, Оберланда и Эппа⁷. Несколько позднее возник самый крупный из этих союзов — баварская гражданская оборона, а из него, в свою очередь, развилась «организация Эшериха» («Оргеш»), распространившаяся по всей Германии. Все эти союзы в последующие годы дали впервые кадры «национал-социалистической германской рабочей партии».

В 1919 г. к малочисленной тогда еще партии примкнул капитан Эрнст Рем из добровольческого отряда Эппа. Это имело решающее значение в истории партии. Храбрый солдат и только солдат, грубый вояка, заплесневевший в окопах, покрытый рубцами от ран, он был олицетворением вечной войны. Его настроение после революции характеризуется словами: «Я констатирую, что не принадлежу больше к этому народу. Припоминаю лишь, что некогда принадлежал к германской армии». Рем вкладывает эти слова в уста своего товарища, но на самом деле это его собственные мысли. К доброй половине офицерства этот грубоватый парень, сын баварского чиновника, питал ненависть; его рассказы о поведении многих офицеров во время войны могли бы оправдать десяток мятежей. Для солдат он прекрасный начальник; его организаторский талант проявляется во всем своем блеске при постройке

нелегального военного аппарата, который он по долгу службы создает в 1920–1923 гг. в Баварии. Политикой он занимается со страстью, проявляя при этом непонимание ослепленного страстью человека: «Я смотрю на мир со своей солдатской точки зрения — сознательно односторонне».

Рем был примерно шестидесятым по счету членом «германской рабочей партии» и постепенно вовлек в нее многих своих друзей из рейхсвера — офицеров и солдат. Это было тогда чем-то само собой разумеющимся. До 1923 г. костяком движения были почти исключительно солдаты рейхсвера и полиция.

Партия уже тогда имела двух покровителей, располагавших большими связями в обществе: писателя Дитриха Эккарта и инженера Готфрида Федер⁸. Эккарт был типичным баварцем, крепким круглоголовым парнем, умевшим пожить. В бытность свою временным редактором «Локаль анцайгера» Шерля он написал несколько драм из эпохи Гогенштауфенов и Ренессанса; кроме того, он перевел «Пер Гюнта»⁹. Таким образом, его внимание было направлено в сторону северных народов. Впоследствии революция зажгла в нем интерес к политике. Слабые стороны революции, в особенности мюнхенской советской республики, раззадорили в нем сатирическую жилку; он основал сатирический листок «Ауф гут дейч» («Чисто по-немецки») который с грубым остроумием, по-журналистски хлестко бил по больным местам противника, служившим мишенью для его антисемитских выпадов. В отношении к «германской рабочей партии» он находился вначале на положении высокого патрона. Симпатии его склонялись больше в сторону «объединения германских граждан», которое он собирался основать в мае 1919 г. «Как будто бы фабричный рабочий не является гражданином, — пишет он в своем воззвании, — неужели каждый оседлый житель непременно лодырь, непременно капиталист? Долой зависть! Но долой также роскошь и мишуру! Мы хотим снова опроститься, снова стать немцами, мы требуем немецкого социализма. Пусть имеет влияние только тот, у кого в жилах течет германская кровь». Это — «идеология» литературной богемы, человека, который хотел бы иметь свой домик и комфорт, сносно зарабатывать пером на жизнь и быть на хорошем счету у своего дворника. Прошло некоторое время, пока Дитрих Эккарт заметил, что ему незачем создавать новую организацию, так как его «объединение граждан» уже существует — в лице «германской рабочей партии».

Тем временем Федер усиленно наставлял эту партию на путь «науки». Федер — по профессии инженер-строитель;

одно время он был самостоятельным предпринимателем и работал за границей. Когда ему в 1918 г. стукнуло тридцать пять лет, ему пришла в голову «великая» идея об «уничтожении процентного рабства». В одну ночь он написал докладную записку, в которой изложил свою мысль; полный надежд, он передал записку баварскому правительству и — обычный удел! — получил любезный отказ. Его дальнейшая биография тоже протекает по трафарету: неудачник отстаивает свой проект. Под влиянием Федера, который с готовностью выступает в каждой идущей ему навстречу группе, в «германской рабочей партии» вырабатываются зачатки программы. Основные пункты ее заключаются в следующем: суверенные права собственности на землю сохраняются за государством, запрет частной продажи земельных участков, замена римского права немецким народным правом, национализация банков и уничтожение «вечного процента» путем постепенной амортизации капитала. Отношение к евреям еще относительно мягкое; они не могут больше становиться судьями, учителями и вождями германского народа, но могут посылать своих представителей в парламент соответственно цифре еврейского населения. Это — программа на будущее. Что касается требований настоящего момента, то «они укладываются в рамки требований других «левых партий», и поэтому нет надобности перечислять их здесь». Так буквально говорится в «Фёлькишер беобахтер»¹⁰ (тогда газета называлась еще «Мюнхенер беобахтер») от 31 мая 1919 г.

Да, тогда эти господа считали себя еще «левой партией». Это была ориентировка Харрера, журналиста умеренного толка, и Дрекслера, у которого руки были еще в пролетарских мозолях от напильника. А Федер, уважаемый лектор, был не из того теста, чтобы собственными силами найти новую политическую ориентировку, а тем более повести хотя бы самую немногочисленную группу сторонников по новому пути.

И все же Федер дал Гитлеру его первую руководящую политическую идею, точно так же как Дрекслер дал ему человеческий материал. Существуют такие архимедовы таланты, которые в состоянии творить великое только тогда, когда кто-нибудь другой даст им точку опоры или видимость таковой.

Темное прошлое Гитлера

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 г. в Австрии в Браунау на Инне, где отец его служил таможенным чиновником. По счастливой случайности семья, его переименовала (по семейным соображениям) фамилию Шикльгрубер на Гитлер. С прежней

фамилией, при всей ее мещанской достопочтенности, Гитлеру было бы труднее стать вождем миллионной партии.

Первые годы детства Гитлер провел в баварском городке Пассау, следующие — в Линце на Дунае. В Линце преподавал историю учитель, настроенный «пангермански» и считавшийся в Австрии Франца-Иосифа «революционером», на самом же деле фальсифицировавший всемирную историю под углом зрения «героического германского эпоса». Впоследствии Гитлер никогда не мог преодолеть результатов этого сусального преподавания. Любимым героем австрийца Гитлера стал пруссак Фридрих Великий. В этой школе Гитлеру привиты были наивная вера в школьную же мудрость и склонность видеть все в упрощенных и грубых очертаниях.

Шестнадцать лет Гитлер потерял отца и мать и перенес тяжелую болезнь легких. Как он сам рассказывает, отец считал его неудачным сыном, из которого не выйдет ничего путного; в школе он учился плохо, последние два года жизни матери он провел дома без дела. В своей автобиографии Гитлер говорит об этих малопривлекательных своих чертах осторожно, но все же так, что читатель получает о них достаточное представление. Свои слабые успехи в школе Гитлер оправдывает своим «идеалом» — желанием стать художником. Но для этого у него нет дарования, как сухо заявил ему об этом ректор Венской художественной академии. Имеются, правда, способности к рисованию, но для поступления в архитектурную школу ему не хватало образования, так как он нерегулярно посещал школу и не сдал экзамена.

Молодой человек начал свою самостоятельную жизнь как зазнавшийся и бьющий баклуши недоросль, а вовсе не как необузданный гений. Он сам делает себе упреки. По своему материальному положению он, как и тысячи других, легко мог бы получить школьное образование, но оно было ему не по нутру. Следов самообразования у него тоже не замечается, за исключением беспорядочной страсти к чтению и театру; особенно восторгался он Вагнером. Одним словом, Гитлер имел все данные, чтобы превратиться в то, что называют «фруктом».

Но, к счастью для него, дела его пошли плохо. Уроки и стипендии прекратились; пришлось взяться за работу, за какую бы то ни было работу. Однако он не знал никакой работы. Поэтому он становится подручным рабочим на постройке в Вене. Еще недавно студент, художник, гений — он носит теперь кирпичи; а между тем от отца он унаследовал уважение к чиновной иерархии. Только сильная натура может перенести такой прыжок с высоты, не сломав шеи. Молодой Гитлер — не

такая сильная натура. Но он достаточно крепок, чтобы сохранить свое лицо, а это значит для него: не стать «пролетарием».

В теоретическом отношении он склоняется к социал-демократии. Но практически этот юнец должен еще всему учиться. Первый жизненный опыт, с которым он сталкивается, — это солидарность рабочего класса. Товарищи по работе пытаются заставить его вступить в профсоюз. Как, его, художника?! Здесь Гитлер, вынужденный на время стать рабочим, проводит резкую грань между своей судьбой и судьбой пролетария: «Моя одежда была еще приличной, выражался я литературно, вел себя сдержанно. Я лишь искал работы, чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать образование хотя бы урывками. Я вообще, быть может, не обратил бы никакого внимания на окружающую меня среду, если бы не...» Да, если бы эта среда сама не обратила на него своего внимания и не потребовала его вступления в профсоюз, с помощью которого рабочий защищает свои скромные права.

Гитлер наотрез отказался. Он не может и не желает стать товарищем людей, которые «всё отвергают»: нацию как выдумку класса капиталистов, отечество как орудие буржуазии для эксплуатации рабочего класса, закон как инструмент для угнетения пролетариата, школу как институт для воспитания рабов, мораль как печать глупого овечьего долготерпения.

Ближайшим результатом было то, что товарищи прогнали Гитлера с места его работы. Это зародило в нем его «антимарксизм».

Примерно в двадцать лет Гитлер переменял профессию и изучал архитектурное черчение. В политике он оставался наблюдателем; вероятно, политические интересы стояли у него в то время не на первом плане. Веру в великую Германию, ненависть к монархии Габсбургов он воспринял еще на школьной скамье в Линце. Это были вера и ненависть, характерные для активных элементов среди австрийских немцев, в особенности с 1897 г., со времени издания графом Бадени¹¹ благоприятных чехам «распоряжений о языках», со времени возникновения в восьмидесятых годах немецко-национального движения под руководством Шенерера и Вольфа¹².

В столице государства, населенного немцами, славянами, мадьярами, итальянцами и румынами, расовый вопрос вставал сам собой. Его специфическое проявление — антисемитизм имел в Вене, в которой живет много евреев из восточных провинций, чисто национальный характер и был господствующим направлением: бургомистром Вены был д-р Карл Люэгер¹³, вождь христианско-социальной партии и за-

стрельщик антисемитского движения. Этот выдающийся человек произвел на Гитлера сильное впечатление, во всяком случае гораздо более сильное, чем существовавшие уже тогда австрийские национал-социалисты. С последними он не имел ничего общего. Но антисемитизм Люэгера имел в виду уничтожение еврейства путем крещения. Из Гитлера же развился зоологический антисемит, для которого все дело в наследственных признаках, а убеждения не играют никакой роли. Однако, согласно изложению Гитлера, все это имелось у него в годы, когда он жил в Вене, только в зародыше. Что он оставил Вену уже антисемитом — это возможно. Был ли он тогда уже, как он утверждает, сложившимся «антисемитом», в этом можно усомниться.

По званию своему архитектурный чертежник, на самом же деле маляр, Гитлер переселился в 1912 г. в Мюнхен, где почувствовал себя гораздо лучше, чем в Вене. Что отравило ему пребывание в Вене, мы не знаем. Мюнхен стал его второй родиной. В австрийской армии ему не пришлось служить, так как по состоянию здоровья он был признан негодным к военной службе. В середине августа 1914 г. он, как и другие его сверстники, поступил в армию добровольцем, а именно в 16-й баварский резервный полк. Этот полк понес особенно тяжелые потери. Предоставим спор о солдатских подвигах Гитлера любителям такого рода полемики; так или иначе он получил орден Железного креста первого класса. Для ефрейтора — редкое отличие, хотя, по свидетельству его позднейшего друга Рема, его легче было получить при штабе, к которому Гитлер был прикомандирован, нежели в окопах. В 1916 г. Гитлер отклонил австрийское требование о переходе в австро-венгерскую армию. В конце войны он чуть не ослеп вследствие отравления газами. Второй раз организм Гитлера во власти тяжелой болезни, и у него появляются черты истерии.

Двадцатидевятилетний Гитлер, переживший германскую революцию в Пазевальском лазарете, отличается многими талантами и недостатками. За свои достоинства ему приходится расплачиваться: он не дозрел до среднего уровня своих сверстников; у него больше мыслей в голове, чем у них, он много читал и думал, но ему чужды рассудительность и нормальные чувства прочих людей. Как сообщают его товарищи, в роте Гитлера считали ненормальным, и он не имел друзей. Но такая психика имеет также свои преимущества. Гитлеру не импонирует банальный здравый рассудок, он не боится суда толпы. Инфантильная черта становится его преимуществом как пропагандиста; он увлекает за собой слушателей с такой же беззаботностью, с какой нервное дитя тиранизирует семью.

Зиму 1918/19 г. Гитлер провел при запасном батальоне своего полка в Траунштейне, в Верхней Баварии. В дни советской республики — он снова в Мюнхене в полку. Передают его высказывания в этот период в кругу товарищей: он иногда заявлял себя сторонником социал-демократии большинства, говорил даже о своем вступлении в эту партию. Если Гитлер действительно говорил это, то, несомненно, из тактических, а не принципиальных соображений. Тогда немало людей считали эту социал-демократию правой партией, которая давно утратила свое довоенное лицо и не обрела еще нового.

Солдаты ищут себе партию

После завоевания Мюнхена рейхсвером и добровольцами Гитлер исполняет при втором пехотном полку работу, которая не каждому была бы по душе; он работает в следственной комиссии по делам революции и составляет обвинительные акты. Предавать палачу лежащего врага стало для этого человека, так хорошо умеющего ненавидеть, настоящим наслаждением. Будущий «трибунал мести», «летающие с плеч головы» — во всем этом Гитлер упражняется уже во втором пехотном полку.

Решающее значение для карьеры Гитлера имели военно-политические курсы, на которые он записался. На этих курсах он в июне 1919 г. впервые услышал лекцию Готфрида Федера и пришел от нее в восторг. Эти солдаты контрреволюции хотели быть не только солдатами, они хотели основать свою партию. Гитлер стал их оратором и идеологом, заимствовав программу у Федера. Разграничение между «продуктивным» и «спекулятивным» капиталом встретило также горячее одобрение начальника Гитлера, майора Хирля¹⁴.

После антисемитской речи, произнесенной Гитлером на дискуссии в этом кругу, его начальство решило, что он вполне подходит для роли «офицера-лектора» в каком-нибудь мюнхенском полку. Задачей этого офицера было читать солдатам политические лекции; надо было снова научить солдат «мыслить и чувствовать в национально-патриотическом духе», как это было до революции. Гитлер использовал эту возможность, чтобы наловчиться в ораторских выступлениях, в особенности чтобы укрепить свой голос, пострадавший от отравления газами. Многие из его тогдашних слушателей образовали впоследствии часть гитлеровской партии.

Вспомним, что Федер, новый знакомый Гитлера, был покровителем «германской рабочей партии» Дрекслера и Харрера и читал доклады на ее собраниях. Таким образом, имелась

нужная связь. В довершение Гитлер получил служебное поручение познакомиться с этой партией. Дело в том, что рейхсхвер, выросший из добровольческих отрядов, проявлял тогда чрезвычайный интерес к политике. Он искал партию, которая проводила бы политику военщины, точнее — с помощью которой военщина могла бы проводить свою политику; он, так сказать, искал лафета для своего орудия. Гитлеру принадлежит та заслуга, что он нашел партию для политиканствующих офицеров мюнхенского рейхсвера и с помощью своих покровителей приспособил ее для надобностей последнего.

При первом своем посещении собрания дрекслеровцев — оно состоялось в задней комнате одной из мюнхенских пивных — Гитлер дал волю своему темпераменту и разгромил в страстной речи оратора, выступавшего на дискуссии в партикуляристском¹⁵ духе. Это заслужило ему внимание со стороны Дрекслера, который пригласил его вступить в партию. Гитлер согласился и стал членом партии, получив членский билет № 7 «политического рабочего кружка», а не самой партии, которая тогда уже несколько выросла. Это произошло в июле 1919 г. Наряду с этим Гитлер оставался в полку еще три четверти года, до 1 апреля 1920 г. Он был тогда уже известным оратором, «народным демагогом» и мятежником, но рейхсвер все еще давал ему средства к жизни.

Дрекслеровцы принадлежали к числу тех людей, для которых полное согласие семи товарищей по каждому отдельному пункту было важнее, чем согласие тысяч людей с отдельными пунктами их требований. Этот педантизм, убивавший всякое живое дело, можно сказать, и толкнул Гитлера на путь диктатуры в кружке. Вначале она приняла форму борьбы между отделами партийного аппарата. Гитлер взял на себя область пропаганды и не позволял никому другому вмешиваться в это дело. Устроить ли массовку, на какую тему, в каком помещении — все это решал исключительно он один. Зато такого важного вопроса, как заказать для общества круглую или квадратную печать, он совершенно не касался.

Но это разделение функций удалось не сразу. Весь 1919 г. прошел в ожесточенной и смехотворной склоке внутри кружка. В частности, «имперский председатель» партии Харрер был против выдвижения члена № 7 в качестве оратора. Он ценил Гитлера, но считал его плохим оратором. Первые ораторские успехи Гитлера тоже не заставили Харрера изменить свое мнение. Когда Гитлер в октябре 1919 г. выступил впервые на открытом собрании — еще не очень многочисленном, набралось всего несколько сот слушателей, — после его речи на

эстраду поднялся Харрер и обратился к публике с предостережением против буйствующего антисемитизма. В этот период партия считала себя еще «левой».

Тема этого первого публичного выступления Гитлера была «Брест-Литовск и Версаль», — настоящая тема для рейхсвера, так же как и Брест-Литовский мир был настоящим рейхсверовским миром. Гитлер доказывал — возможно, по поручению свыше, — что Версальский мир никоим образом не следует считать справедливой карой за тяжелые условия Брест-Литовского мира. Итак, первые же публичные выступления новой партии относились к вопросам внешней политики. Лично Гитлер больше предавался размышлениям об уничтожении «процентного рабства» и о роли еврейства; но партия желала прежде всего стать рычагом внешней политики. Такова была также мысль Дрекслера, который все предоставлял верховному командованию, всецело на него полагаясь. Верховного командования уже не существовало, но новое движение по-прежнему сохранило характер такого рычага: это не было движение рабочих за дело рабочих, а движение за дело «нации», причем эта «нация» на деле находилась в лагере офицеров рейхсвера, Эппов и Ремов. Их ученик Гитлер работал теперь в качестве сапера, выполняющего известную предварительную работу для будущего овладения определенными политическими позициями.

Программа

Благодаря настояниям Гитлера главной темой дискуссий в кружке стала проблема: «70 или 70 000» (членов)? Гитлер уже отлично знал, в чем заключается сущность пропаганды: в воздействии на широкие массы, в умении сосредоточить свою пропаганду в немногих пунктах, в постоянном повторении этих пунктов, в нарочитой формулировке их текста в виде раз навсегда данных утверждений, в чрезвычайной настойчивости при их распространении и в таком же долготерпении при выжидании результатов. Все это очень толково доказывалось Гитлером, но убедило других далеко не сразу. Дело дошло до раздора, который окончился в январе 1920 г. уходом Харрера с поста «имперского председателя» партии.

Тем временем с партией сблизился новый покровитель — врач д-р Иоганнес Дингфельдер. Он писал в националистических газетах под псевдонимом «Германус Агрикола». Его писания можно, скорее всего, назвать экономической мистикой в немецко-националистическом духе. Федеровская более или менее конкретная агитация против «процентного рабст-

ва» приняла у Дингфельдера формы борьбы против «гордыни денег», «иллюзии денег» и т.п. Ему мерещилась гибель человечества в результате общего сокращения производства — так сильно действовало тогда на умы тяжелое продовольственное положение Германии, отголосок английской блокады. Дингфельдер предвидел, что «природа забастует, сократит свои дары, а остальное съедят черви». Дингфельдер, а не Гитлер был главным оратором на окутанном ныне легендами собрании 24 февраля 1920 г. в мюнхенском ресторане Хофброй, на котором была принята программа партии.

Гитлер изображает в своей книге это собрание очень односторонне. Центром внимания на собрании в действительности был доклад Дингфельдера, встреченный присутствующими спокойно. Гитлер вместе с Федером и Дрекслером выработал известные 25 программных пунктов и зачитал их на собрании под шум и шиканье противников. Так эти 25 пунктов были преданы гласности; однако никто не уделял им в дальнейшем внимания. «Фелькишер беобахтер» не упоминает о них ни единым словом. Что касается самого собрания, то его кульминационным пунктом была резолюция протеста против предоставления еврейской общине муки на выпечку мацы (пасхальных опресноков).

У нас как-то мало обращают внимания на то, что в действительности не существует программы национал-социалистической германской рабочей партии, а есть только программа «германской рабочей партии». Так называлась партия еще во время своего первого публичного выступления. Что касается Гитлера, то он лично охотнее всего дал бы ей тогда название «социально-революционной партии».

Двадцать пять пунктов не имеют значения подлинной программы; как средство пропаганды они тоже не имели того успеха, которого ожидали от них Федер и Дрекслер. Однако, поскольку в этих 25 пунктах так или иначе сказался дух партии, нельзя оставить их без рассмотрения. Приводим их текст:

«Программа германской рабочей партии является программой на известное время. Вожди партии отказываются выставить по достижении целей этой программы новые цели, выставить исключительно для того, чтобы путем разжигания недовольства масс обеспечить возможность дальнейшего существования партии.

1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права самоопределения народов.